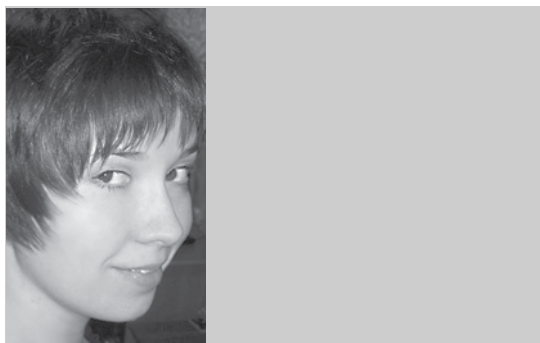

Наталья Косолапова

Косолапова Наталья Валерьевна родилась в 1978 г. в Кыштыме. Публиковалась в журналах «Урал», «Крещатик», «Волга–XXI век», «День и ночь». Автор проекта видеoarхива «Фигуры речи». Участник поэтического семинара «Северная зона». Участница АСУП-3. Жена поэта А. Петрушкина. Живёт в Кыштыме.

Филологическая маркировка стихов Н.К.

Традиции, направления, течения: конструктивизм, поставангардизм, минимализм.

Основные имена влияния, переключки: К. Кедров, классики русскоязычного верлибра (А. Метс, В. Бурич), поэты-минималисты, близкие к эстетике журнала «Арион», отдельные стихи В. Павловой.

Основные формальные приемы, используемые автором: использование фигурного стиха, анжанбеман (как межстрочный, так и внутрисловный), набор приёмов супраграфемике.

Сквозные сюжеты, темы, мотивы, образы: мотив семейного быта, рождение ребёнка, бытовые хлопоты, фрагменты течения дня, зачастую связываемые с погодными условиями.

Творческая стратегия: остановка «прекрасного мгновения» и его вербализация – с тем или иным элементом художественного преобразования, но и сохранением в неизменности («Пусть каждый увидит то/что хочет в об-/ЛИКЕ моём»).

Коэффициент присутствия: 0,23

АВТОБИОГРАФИЯ

Моя жизнь, как и мои стихи, похожи на стайку разноцветных мыльных пузырей. Иногда у меня возникает чувство, что когда очередной пузырик взрывается, – события происходят уже не со мной, или тогда они происходили не со мной?

Я родилась 18 октября 1978 года в семье так называемых потомков «бунтовщика» Клима Косолапова. История нашего родства с Климом довольно забавна – когда в Кыштым приехали жур-

налисты с ЧГТРК, чтобы сделать сюжет о правнуках революционера, – никто не знал прямых потомков Клима, и предложили снять моего деда как самого обаятельного и разговорчивого Косолапова на заводе. Дед Борис до самой смерти был председателем уличного комитета, а когда уже не мог ходить, выносил на улицу стул и смущал всех окрестных «дам» комплиментами и комментариями на тему ... Улица по соседству носит имя моего деда.

Мы жили с бабушкой и дедом в их доме. Для мамы с папой пристроили еще одну комнату, а пока мама заканчивала учебу, со мной водилась бабушка Валя, мать моего отца Валерия. Все крыши, деревья и чердаки были мои. А также окрестные стройки, гаражи и брошенные заводские цеха. Дед называл меня «варначкой», «михалкой» и почему-то «мокрошкой». Лазить по стройкам я перестала, когда местный сторож заподозрил меня в воровстве, я страшно оскорбилась и – как отрезало.

Долго хотела быть мальчиком, в 10 лет перевязывала себе грудь, фехтовала на деревянных шпагах и на Новый год наряжалась мушкетером. Обиделась, когда Дед Мороз за стишок подарил мне куклу. В начальной школе у нас был молодой 19-летний учитель только из колледжа – я была его любимицей и играла в сказке «Золотая рыбка на новый лад» продвинутую старуху, говорила непонятное мне слово «плюрализм» и скандировала «Ура, Горбачев!». Заняли 2 место на конкурсе «Учитель года». Сергей Александрович вообще был склонен к спецэффектам, водил нас на кладбище на субботник, а самых активных приняли в пионеры первыми. В пять утра на братской могиле участников войны. Родители были в шоке. Сейчас он живет в Бельгии, звонил, когда мне было лет 18, признавался в неземной любви. Так как я много читала плюс с детства носила очки, то среди своих сверстников была «слишком умной», меня дразнили «профессором», «очкастой», ну и «толстой» за рано начавшую развиваться фигуру. Мама рассказывала, что детские библиотекари меня боялись, каждый раз я приходила и задавала кучу каких-то немислимых вопросов, на которые они не знали ответа. Помню, как всерьез рыдала, что не могу очутиться в Волшебной стране и быть с Элли, Тотошкой и Железным Дровосеком. Потом жила в мире Дюма, Жюль Верна, Крапивина, Майн Рида, Конан Дойля. Когда я в 3 классе принесла свой первый и единственный фантастический рассказ учительнице по литературе, она сказала, что это «бред сивой кобылы»...

В 12 лет в летнем лагере попала в отряд, где сред-

Н.К. с отцом, Валерием Косолаповым, и мамой, Людмилой Коневой

ний возраст был 16–17 лет. Там я поняла, что «дурочкой» казаться гораздо удобнее. Так началась моя социализация. В школе собрала все КВНы, модные тогда «Поля чудес», была в команде международной игры «Одиссея разума». Жили в гостинице «Малахит» в Челябинске на 11 этаже, там я первый раз и поцеловалась с мальчиком, он потом стал папой моей старшей дочки...

Несколько лет подряд играла в детском театральном коллективе. Мои амплуа – Карлсон, разбойница из «Бременских музыкантов», мачеха из «Морозко», шепелявый разбойник – не помню уже откуда. Не дали проявить себя в роли роковой женщины, а то, может, свернула бы на театральную дорожку. Одна из моих подруг по театальному кружку, Яна Кривоспицкая, играет сейчас в театре «БАБы».

Забавно, что в школе каждый педагог был абсолютно уверен, что я буду поступать именно на его факультет. Биология, география, история, литература плюс журналистика – немного писала для городской газеты.

Вопрос выбора института за меня решила мама, Людмила Григорьевна Косолапова (в девичестве Чемоданова, сейчас Конева). Она сама училась в Екатеринбурге, на филфаке в УрГУ, и меня туда хотела отправить. Журфак – не вариант, там полный бардак, филфак – и так зрение никакое, еще с тетрадами возиться, оставалась модная тогда профессия психолога. Потом мама съездила в университет на разведку и была в шоке, там в 1996 был полный разгул торговли наркотиками. В общем, я училась в платном, сомнительной ре-

путации вузике, у которого не было даже своего здания. При поступлении надо было написать простецкие тесты по Айзенку, а я стихи километрами учила для филфака...

В итоге на руках красный диплом бакалавра психологии, никакого желания работать по специальности, зато колоссальный опыт общения с самыми лучшими педагогами всех вузов Екатеринбурга, своих-то у института еще не было. А Уральский гуманитарный институт получил на нас, своих первых студентов, государственную аккредитацию и отстроил шикарное здание на Комсомольском проспекте.

В институте я познакомилась с любопытной парой, которая училась вместе со мной на одном факультете. Они были мунистами и распространяли гербалайф. Учитывая уже тогда сложившуюся отрицательную позицию общества что по одному, что по другому пункту... Ездил по Ебургу со священным значком «Хочешь похудеть – спроси меня как?», ходила на лекции по Божественному принципу. К счастью, врожденное чувство меры или судьба, кто ее, дуру, знает, не позволили мне уехать и стать полноценным членом движения объединения. А то, может, вышла бы замуж за негра какого и миссионерствовала бы тихонько себе где-нибудь в другом конце мира.

Но нет – меня дома ждала большая (192 см рост), еще школьная, любовь...

На 4 курсе института я забеременела. И мы тут же с большой любовью благополучно расстались, будто собственно целью наших 4-годичных отношений было сделать мне ребенка.

Для родственников и друзей наш разрыв стал совершеннейшей неожиданностью, удивительно, что я была абсолютно счастлива на фоне всеобщего глобального сочувствия.

В академ решила не уходить – сдавала экзамены экстерном сначала с копошащимся в пузе акробатиком, потом с молочной грудью седьмого (о ужас!) размера. После этого вся толпа сочувствующих записала меня в героини постсоциалистического труда. Для меня же все это было абсолютно естественно.

Надо, совершенно не к слову, сказать, что поэзия меня еще со школы угнетала. Не знаю, может, мама в детстве стихов перечитала, она у меня, кстати, литератор, сейчас в библиотеке работает. В общем, стихотворная строка меня отталкивает абсолютно – я просто перестаю вникать в смысл текста. Сижу, как китайский болванчик, и туплю. Поэтому всегда писала какие-то зарисовки в прозе, миниатюры, которые просто не вписывались ни в какие рамки и ритмы, ну и, соответственно, журналы, газеты и прочее.

Петрушкин потом уже помог найти способ выражения, облек, так сказать, содержание в (НЕ) приличную форму (нужное подчеркнуть).

А подруга моя любимая, Екатерина, увлеклась и чтением, и написанием рифмованных строк. Однажды в качестве моральной поддержки попросила меня сходить с ней в наше лито «Грани». Там я встретила своего второго псевдомужа. Как потом оказалось, он был моим четвероюродным братом – там какие-то семейные перестановки, когда брат деда женился на женщине с ребенком. Он был псевдобард. Это такие звери, которые довольно интересно играют чужие песни, но своих не пишут.

И понеслось – фестивали, костры, бесконечные песни, походы, новые друзья. Мы жили тогда в Екатеринбурге (Катере, как ласково называли его барды), я работала сиделкой с больной бабушкой своих друзей мунистов, бесплатно жила вместе с дочкой Аленкой – моим звонким ручейком – и бородатым бардом-эзотериком в одной из комнат бабушкиной квартиры на улице Ленина прямо над вузовским супермаркетом. Бабушка после инсульта была не в себе и никого не узнавала. «Мама Леличка! Ой! Ой! Ой!» – кричала она на весь дом, когда ей что-то было нужно. Все, кто гостил у нас в это время, никогда, наверное, не забудут этого крика. Потом бабушка умерла, и я уехала обратно в Кыштым. Мой бард еще долго ездил ко мне в гости, но мыльный пузырь уже, видимо, лопнул, одновременно с моим терпением. В день похорон деда (того самого) я выгнала барда из своей квартиры и вычеркнула из жизни. Теперь я просто ненавижу бардовскую песню. Исчерпала, видно, лимит проницаемости.

В Кыштыме я нечаянно попала на местное телевидение. Никого не волновало ни мое образование, ни способность работать в нужных программах. У нас в городе оказалось не очень много желающих за копеечную зарплату работать журналистом. Через неделю после начала моей работы на ТВ редакторша уехала в отпуск, у единственного диктора вздулся флюс, и меня посадили вести новости. Через пару лет я смотрела на свой первый опыт дикторской работы и ржала, как бешеная кобылица. Эта девица с брежневскими бровями, круглыми глазами, интонациями сказочницы и тараторящая, как белка, определенно не может быть мной.

Бардовский период моей жизни принес много интересных и полезных впоследствии знакомств. В частности – с Маргаритой Еременко, которая потом пригласила меня на ежегодные Каслинские чтения, уж не помню какие по счету, где я познакомилась с Александром Петрушкиным. Было это в 2005 году. Хорошо помню этот момент, когда я, опоздав на всю культурную программу чтений и семинара, встретила Риту, Петрушкина, Сергея Арешина, Диму Кондрашова, Андрея Торопова на остановке, где они провожали Диму на челябинский автобус. Петрушкин сразу отмел всех мужчин, покровительственно обнял меня, сказав, что я – его женщина. Смешной. Мне тогда было довольно одиноко, и я, собственно, приехала к Рите развеяться.

Спустя неделю он сделал мне предложение. Через полгода переехал ко мне жить, а еще через полгода мы, измучив друг друга до полусмерти вопросами типа быть или не быть вместе, обвенчались. Все мои родственники были в ужасе – вечно небритый и лохматый тип с глазами наркомана, у которого за спиной еще и двое детей в предыдущей семье остались. Зато большой поэт, да. Стихи, правда, непонятные, но почему-то печатаются везде.

Из меня фонтан образов хлынул после нашей поездки на ЛитературуРентген в 2006 году в Екатеринбург. Почему – непонятно, так как я там ничего не слушала, только усиленно впитывала в себя новые ощущения от странных людей. Толстый, важный такой Вася Че, весь в кудрях и журналистах Кузьмин, болтушка не по делу Сунцова, мой пьяный Петрушкин в черном пальто, вальсирующий с Витой Корневой и разбрасывающий страницы со своими текстами по залу (или это было на следующем Рентгене, время смешалось в моих воспоминаниях). Все это в клубах сигаретного дыма и под винными парами. Богема, в общем. Сейчас я такие сборища не люблю. Вообще, не люблю много людей в одном месте, особенно нетрезвых. Учитывая, сколько послефестивальных гостей мне пришлось принимать в своей квартире

и мою нынешнюю деятельность, – это вполне понятно.

Галантный Янис Грантс впервые вышел в литературный свет в Кыштыме, победив на фестивале Толлокнова. Хороший мальчик из Литинститута Митя Машарьгин там же заразился безумием от Петрушкина и пошел вразнос. Петрушкин даже Маргариту Еременко сбил с пути, познакомив ее с сумасшедшим Лешей Халтуриным. Мы были свидетелями и на их свадьбе, а спустя два года – грустного окончания их отношений. А сколько водки с перцем и медом было выпито в Каслях... В Кыштым, а позже и в Касли, влюбился и даже присматривал себе дом крестный папа нашей младшей дочери Андрей Санников. Серегу Ивкина, и особенно его жену Танечку, очень любят наши дети.

В 2006 году мы с Александром задумали серию фильмов об уральских поэтах и знаковых событиях литературы «Фигуры речи», но реально удалось снять только 2 пробных фильма «На том краю» – о Петрушкине, естественно (нужен был первый подопытный), и «Лики» – Машарьгин и Оболикта в главных ролях. Потом только, к «Антологии» Виталия Кальпиди дособирали 3 клипа: про меня, Петрушкина и Маргариту Халтуру. Когда любимое дело становится профессией, сложно держать творческое равновесие между желанием избавиться от ежедневной рутины и новыми идеями.

С телевидения я ушла – надоело снимать одно и то же много лет подряд, настоящих новостей в маленьком городке мало, цензура бесконечная административная надоела, да и денег срочно надо стало побольше. В 2007 году родилась Полинка, говорят, я чуть не умерла на операционном столе, всех перепугала. В 2010 появился на свет Ярославик. Стало довольно шумно и тесно даже в нашей трехкомнатной квартире. Мы переехали в дом к бабушке, а на материнский капитал и разницу за квартиру пристроили к дому еще три комнаты и ванную.

Сейчас Петрушкин счастлив – сбылась его мечта о земле, своем доме, саде и клумбах с розами под нашими окнами. Мне хорошо – я живу в доме своего детства, малыши подрастают, ходят в садик, Аленка пойдет уже в 6 класс. Я снимаю свадебные фильмы и всякую другую дребедень, которую попросят. Картинка все-таки стала для меня главным образом моей жизни, стихи сейчас не приходят ко мне так часто, как в самом начале. Даже книгу мою «Узелки неслучайных совпадений» мы издали уже безо всякого интереса, просто чтобы завершить определенный период моей жизни.

Сейчас у меня такое ощущение, что я живу одновременно несколько жизней в разных мирах. Или

Н.К., 2011 г.

я проживаю много чужих судеб... Много и захлеб – чужие свадьбы, чужие книги, объемные картинки фильмов по чужим сценариям. Все это одновременно поселяется во мне и плодит уже новые образы для книги моей судьбы.